

Штефан Видеркер

«Консервативная революция» à la russe? Опыт интерпретации евразийства в европейском контексте*

Полемика между западниками и славянофилами с XIX столетия остается важным элементом русской мысли. Западники подчеркивали, что Россия, будучи «отсталой» страной, должна в целях модернизации принять европейские ценности. Славянофилы, в свою очередь, пропагандировали «консервативную утопию»¹ и настаивали, что России необходимо идти собственным историческим путем. Различия между Россией и Европой они толковали в позитивном ключе. После Октябрьской революции 1917 г. и последующей массовой эмиграции либеральной и консервативной интеллигенции из Советской России, эти идеологические дискуссии продолжились в «зарубежной России»². В полемическом обзоре, опубликованном в 1926 г., русский эмигрантский философ Федор Степун писал о «славянофилах эпохи футуризма»³, имея в виду так называемых евразийцев.

В отличие от многих других идеологических течений и политических партий русской эмиграции, евразийцы не выступали за реставрацию старого режима или за либеральную альтернативу царизму. Они принимали Октябрьскую революцию и видели в большевистском режиме важную стадию русской истории – но при этом важную стадию на пути к окончательному торжеству их консервативной утопии. Это позволило Леониду Люксу и Мартину Байссвенгеру выявить ряд параллелей между евразийством и немецкой «консервативной революцией», в идеологии которой также акцентировалась идея реанимации революционными средствами традиционного порядка⁴. В настоящей статье я намерен, тщательно

---

* Ранее опубликовано на английском языке в *Journal of Modern European History* (2017. Vol. 15. № 1).

¹ Walicki A. *The Slavophile Controversy: A History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought*. Oxford, 1975; Christoff P.K. *An Introduction to Nineteenth-Century Russian Slavophilism: A Study in Ideas*. 4 vols. Gravenhage, 1961–1991.

² Raeff M. *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration 1919–1939*. N.Y., 1990; *Der große Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941* / Ed. K. Schlögel. Berlin, 1994.

³ Степун Ф.А. Об общественно-политических путях «Пути» // *Современные записки*. 1926. № 29. С. 442–447, здесь с. 445.

⁴ Luks L. *Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1986. Vol. 34. P. 374–395; idem. «Eurasier» und «Konservative Revolution». *Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und Deutschland* // *Deutschland und die Russische Revolution* / Ed. G. Koenen, L. Kopelew. München, 1998. P. 219–239; Luks L. *Anmerkungen zum «revoluti-*

изучив источники, подвергнуть детальному анализу доводы Люкса и Байссвенгера в пользу того, что евразийство можно рассматривать как русскую версию «консервативной революции». Кроме того, я намерен выяснить, какое место в утопическом проекте евразийцев занимала Европа. Уже в начале я хотел бы подчеркнуть, что евразийская идея Европы не была инклюзивной: они не воспринимали себя или свою воображаемую Евразию как часть Европы или, наоборот, Европу как часть Евразии. Подробное рассмотрение этих вопросов я предваряю кратким обзором классического евразийства.

Евразийство в межвоенной Европе

В период между мировыми войнами с идеями евразийства выступали молодые русские интеллектуалы, оказавшиеся после большевистской революции в эмиграции, главным образом в Париже и Праге. Главными представителями этого течения были лингвист Николай Трубецкой, географ Петр Савицкий и историк Георгий Вернадский. Фундаментом евразийства была идея, что «Евразия» представляет собой третий континент между Европой и Азией, отдельную часть света, отличную как от Европы, так и от Азии. Евразийцы полагали, что границы их воображаемого континента более или менее совпадают с границами бывшей Российской империи⁵. В дальнейшем я буду использовать термин «Евразия» именно в этом смысле, который заметно отличается от других значений слова, в частности от немецкого термина *Eurasien*, обозначающего Европу плюс Азию⁶.

---

onär-traditionalistischen» Kulturmodell der «Eurasier» // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2003. Vol. 7. № 1. P. 141-161; Люкс Л. «Особые пути» России и Германии на примере евразийства и «консервативной революции» // *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия* / Под ред. Э.А. Паина. М., 2010. С. 96-117; Байссвенгер М. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев»: точки соприкосновения // *Консерватизм в России и мире* / Под ред. А.Ю. Минакова и др. Вып. 3. Воронеж, 2004. С. 49-73.

⁵ Böss O. *Die Lehre der Eurasier: Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts*, Wiesbaden, 1961; Вандалковская М.Г. *Историческая наука российской эмиграции: евразийский соблазн*. М., 1997; Ferrari A. *La foresta e la steppa: Il mito dell'Eurasia nella cultura russa*. Milano, 2003; Paradowski R. *Euroazjatyckie imperium Rosji: Studium idei*. Wyd. 2. Warszawa, 2003; Subotić M. *Put Rusije: Evroazijsko stanovište*. Beograd, 2004; Voráček E. *Eurasijství v ruském politickém myšlení: osudy jednoho z porevolučních ideových směrů ruské meziválečné emigrace*. Praha, 2004; *Russia between East and West: Scholarly Debates on Eurasianism* / Ed. D. Shlapentokh. Leiden, 2007; Wiederkehr S. *Die eurasische Bewegung: Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland*. Köln, 2007; Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington, D. C., 2008; Глебов С. *Евразийство между империей и модерном: история в документах*. М., 2010; *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism* / Ed. M. Bassin, S. Glebov, M. Laruelle. Pittsburgh, 2015.

⁶ Об истории понятия «Евразия» в различных европейских языках см.: Wiederkehr S. *Eurasien* // *Enzyklopädie des europäischen Ostens*. 22 ноября 2005. <http://eeo.uni-klu.ac.at/index.php?title=Eurasien>. Последнее посещение 29 мая 2017. О конструировании границы между Европой и Азией

Доказывая существование Евразии, евразийцы приводили свидетельства и доводы из разнообразных областей знания, таких как география, языкознание, история и фольклор. Они развивали теорию языковых союзов (*Sprachbundtheorie*) и применяли ее основные принципы к другим научным дисциплинам. Иными словами, они постулировали, что пространственные контакты обуславливают конвергентное развитие, и ставили принцип приобретенного сходства выше, чем принцип генетического происхождения⁷. Поэтому они заявляли, что славянские, финно-угорские, монгольские и тюркские народы Евразии неотделимы друг от друга – не по причине общего генетического происхождения, но потому, что на протяжении столетий они проживают вместе в одной и той же географической среде и в силу этого обладают приобретенными сходствами в фольклоре, ментальности, а также в политической и социально-экономической структуре. Согласно Трубецкому: «Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое»⁸.

География и пространство были для евразийцев центральными категориями. Савицкий и другие затратили огромное количество времени и энергии на изобретение новых теоретических понятий и, основываясь на них, стремились показать, что Евразия являет собой «особый географический мир»⁹ между Европой и Азией. В 1926 и 1927 гг. они впервые использовали термин «геополитика», но связанные с этим представления уже с самого начала сильнейшим образом сказывались на евразийском мышлении¹⁰.

Евразийцы считали, что назначение науки состоит не только в объяснении явлений, но и в руководстве деятельностью людей. В этом смысле они не ограничивались одной лишь разработкой новаторских методов изучения прошлого. В своем стремлении осмыслить философию истории они распространили свой исторический анализ на прогнозирование будущего. Они утверждали, что их прогнозы основаны на верных научных методах, и поэтому верили, что способны предсказывать ход мировой истории. В этом смысле евразийство обладало двумя главными характерными чертами того, что Карл Поппер назвал историцизмом¹¹.

см.: Bassin M. *Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space* // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 1. P. 1-17.

⁷ Sériot P. *Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris, 1999.

⁸ Трубецкой Н.С. *Общевразийский национализм* // *Евразийская хроника*. Вып. 9. Париж, 1927. С. 24-31, здесь с. 29.

⁹ Савицкий П.Н. *Россия – особый географический мир*. Прага, 1927.

¹⁰ Чхеидзе К.А. *Национальная проблема* // *Евразийская хроника*. Вып. 4. Прага, 1926. С. 22-30, здесь с. 22. Савицкий П.Н. *Геополитические заметки по русской истории* // *Начертание русской истории* / Ред. Г.В. Вернадский. Ч. 1. Прага, 1927. С. 234-260.

¹¹ Поппер определяет историцизм как «подход, видящий главную задачу социальных наук в историческом предсказании; данная цель представляется достижимой посредством открытия "ритмов", "схем", "законов" или "тенденций", лежащих в основе исторической эволюции». (Popper K.R. *Das Elend des Historizismus*. Tübingen, 1965. P. 2. Курсив оригинала. Если не указано иное, перевод выполнен автором настоящей статьи.)

В глазах евразийцев, Евразия будущего, которую они прогнозировали и легитимировали посредством своих научных методов, будет представлять собой отдельное государство, объединяющее народы бывшей Российской империи; его строй не будет ни демократическим, ни капиталистическим. Они вновь и вновь повторяли свое телеологическое кредо: «Евразия представляет из себя некую географически, этнологически и экономически цельную, единую систему, государственное объединение которой было исторически необходимо»¹².

Как я указывал в другом месте, евразийство было утонченной трансформацией русского империализма, порожденной самыми блестящими умами русской эмиграции¹³. Фактически оно стало новой стратегией легитимации целостности и неделимости Российской империи под конец первой мировой войны, когда распад полиэтничных империй Габсбургов и Османов привел к появлению национальных государств. Основой этой новой стратегии были новые подходы к факторам, создающим нации. Евразийцы гораздо откровеннее, чем любое из прежних национальных движений, пропагандировали создание наций в ходе сознательного нацистроительства и подчеркивали роль идеологии в процессе их образования. В очерке под названием «Общеввропейский национализм» (1927) Трубецкой задавался вопросом, существует ли фактор, который «может теперь спаять все части этого государства [т.е. бывшей Российской империи – *Ш.В.*] в одно государственное целое» после революции¹⁴. Евразийцы не ставили под вопрос желательность подобной имперской цели. Предлагаемым Трубецким решением проблемы было, разумеется, евразийство: «Для того чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части единого государства, необходимо существование единого субстрата государственности. (...) Прочное и постоянное объединение возможно, следовательно, только при наличии этнического (национального) субстрата. (...) национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем *евразийской*, ее территорию – *Евразией*, ее национализм – *евразийством*»¹⁵.

В более раннем тексте Трубецкой проводил теоретическое различие между «истинным» и «ложным» национализмом. По его мнению, «истинным, морально и логическим оправданным может быть признан только такой национализм, который исходит из самобытной национальной культуры или направлен к такой

---

¹² И.Р. [псевд. Н.С. Трубецкого]. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока [1925] // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 211-266, здесь с. 216.

¹³ Wiederkehr S. Eurasianism as a Reaction to Pan-Turkism // Russia between East and West / Ed. D. Shlapentokh. P. 39-60.

¹⁴ Трубецкой. Общевевразийский национализм. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 28. Курсив оригинала.

культуре»¹⁶. В своем большинстве существующие формы национализма являются ложными национализмами, ибо они не ориентированы на собственную самобытную культуру, что крайне ограничивает их сферу и их цели. Что именно имел в виду Трубецкой, следует из замечания о самоопределении «"малых" народов»: эти националисты «стремятся лишь к тому, чтобы их народ во что бы то ни стало получил государственную самостоятельность»¹⁷; такой подход он относит к «ложным» типам национализма. В письме Роману Якобсону (7 марта 1921 г.) Трубецкой делает совершенно ясной концепцию общеевразийского национализма как имперского противоядия против национальных движений в бывшей Российской империи: «"Национальное самоопределение", как его понимают бывший президент Вильсон и разные самостийники вроде грузин, эстонцев, латышей и проч., есть типичный вид ложного национализма»¹⁸.

Малым народам бывшей Российской империи евразийцы пытались предложить альтернативную идентичность. Ее ядром были не различия между этими народами и русскими, а их сходные черты, основанные на исторической конвергенции населения Евразии. С этой целью евразийцы использовали идею Турана и образ такой исторической личности, как Чингисхан, наполняя то и другое новым содержанием. В своих сочинениях, предвидя возможные сепаратистские движения тюркских, монгольских и финно-угорских народов России, евразийцы переосмысливали эти два стержневых концепта, превращая их в символы евразийского единства. Это позволяло им объединить в одно целое русских и нерусские национальные меньшинства бывшей Российской империи, обеспечив им общую идентичность: «Государственное объединение Евразии было впервые осуществлено туранцами в лице Чингисхана (...). Затем (...) общеевразийская государственность из рук туранцев перешла к русским, которые сделали ее преемниками и носителями. Россия-Евразия получила полную возможность стать самодовлеющей культурной, политической и экономической областью и развивать своеобразную евразийскую культуру»¹⁹.

Между мировыми войнами евразийство сделалось одним из наиболее значительных и вызывавших яростные споры интеллектуальных течений «зарубежной России». Куда более трудным, однако, оказалось преобразование его в политическую партию. После произошедшего в двадцатых годах укрепления Советского Союза евразийское движение раскололось на два крыла, имевших противоположные взгляды на возможность сближения с большевиками. В конце концов

---

¹⁶ Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку: предчувствия и свершения. София, 1921. С. 71-85, здесь с. 79.

¹⁷ Там же.

¹⁸ N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes / Ed. R. Jakobson. The Hague, 1975, P. 14.

¹⁹ I.R. Наследие Чингисхана. С. 258 и сл.; Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Вып. 4 Берлин, 1925. С. 351-377. О политическом подтексте понятия «Туран» см.: Kessler J.A. Turanism and Pan-Turanism in Hungary, 1890–1945. PhD dissertation. University of California. Berkeley, 1967; Landau J.M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. L., 1995.

пробольшевистское крыло, обосновавшееся в городке Кламар под Парижем, в 1929 г. потерпело поражение в дискуссии и распалось. Но внутренняя борьба ослабила евразийское движение в целом. После 1929 г. оно переживало заметный упадок, а в начале второй мировой войны и вовсе угасло²⁰.

Поиски союзников вне круга русской эмиграции

В 1930 г. Савицкий попытался приостановить угасание евразийства, расширив аудиторию. С этой целью он начал публиковать статьи не только на русском, но и на других языках²¹ и предпринял несколько попыток установить контакты с движениями, не связанными с русской эмиграцией, но выступавшими, по мнению евразийцев, за близкие им цели. Среди последних были Филипп Ламур, его газета *Plans* и *Ordre nouveau* во Франции и редакции газет *Gegner*, *Tat*, *Umsturz*, *Vorkämpfer* и *Widerstand*, представлявших течение «консервативной революции» в Германии²². Евразийцы активизировали также связи с другими, так называемыми пореволюционными течениями русской эмиграции²³, не сотрудничая, однако, с русскими фашистами²⁴.

В 1933 г. А.П. Антипов опубликовал небольшую обзорную статью в евразийском сборнике *Новая эпоха*, которую можно рассматривать как наиболее важный

---

²⁰ Шевеленко И. К истории евразийского раскола 1929 года // *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman* / Ed. K. Polivanov. Stanford, 1994. P. 376-416; *Wiederkehr. Bewegung*. P. 58-67.

²¹ В том числе: Lubenskij S. (псевд. П.Н. Савицкого). *L'eurasisme* // *Le monde slave*. 1931. Vol. 1. P. 69-91; idem. *Bibliographie de l'eurasisme* // *Le monde slave*. 1931. Vol. 1. P. 388-422; Savickij P.N. *Šestina světa: Rusko jako zeměpisný a historický celek*. Praha, 1933; Savickij P.N. *Ist eine westlerische Auffassung der russischen Geschichte noch möglich?* // *Slavische Rundschau*. 1933. Vol. 5. P. 337-342; Savitzkij P. *Die geographischen und geopolitischen Grundlagen des Eurasiertums* // *Orient und Occident*. 1934. Vol. 17. P. 13-19. Библиографию текстов евразийцев на иностранных языках, опубликованных в тридцатые годы, см.: *Wiederkehr. Bewegung*. P. 65.

²² ГАРФ, ф. Р-5783 (Савицкий П.Н.), оп. 1, ед. хр. 456, л. 16-22; ГАРФ, ф. Р-5911 (Чхеидзе К.А.), оп. 1, ед. хр. 53, л. 53; ед. хр. 99, л. 6; ед. хр. 101, л. 24. М. Байссвенгер обнаружил в Праге и в США дополнительные архивные подтверждения того, что Антипов действительно установил контакты с деятелями немецкой «консервативной революции» и пытался предложить евразийские статьи для публикации в их журналах. См.: Байссвенгер. «Консервативная революция» в Германии и движение «евразийцев». С. 52, 62-64.

²³ В докладе для внутренних целей, датированном 10 августа 1932 г. (ГАРФ, ф. Р-5911 (Чхеидзе К.А.), оп. 1, ед. хр. 99, л. 6), говорится о связях с журналами *Утверждения*, *Новый Град* и *Третья Россия*, где евразийцы в тридцатые годы действительно опубликовали ряд статей.

²⁴ В середине двадцатых годов Лев Карсавин обнаружил небольшую заметку о профашистском движении младороссов, созданном Александром Казем-Беком. См.: Карсавин Л.П. Младороссы // *Евразийская хроника*. Вып. 6. Париж, 1926. С. 13-17. Петр Сувчинский пытался привлечь в качестве авторов для *Евразийской хроники* итальянских фашистов (Из письма П.П. Сувчинского Н.С. Трубецкому и П.Н. Савицкому, 3 января 1927 г. // *Политическая история русской эмиграции, 1920–1920: документы и материалы* / Под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999. С. 258-260, здесь с. 258 и сл.), однако безуспешно. О русском фашизме см.: Stephan J.J. *The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile 1925–1945*. L., 1978.

отклик евразийцев на немецкую «консервативную революцию»²⁵. Сосредоточив внимание на круге журнала *Tat*²⁶, Антипов выделил три области, где наблюдалось сходство между идеологами «консервативной революции» и евразийства: отказ от политического плюрализма и парламентской демократии во имя того, что евразийцы именовали идеократией, отказ от капитализма и свободной торговли в пользу плановой экономики и защиту автаркии²⁷. Излагая это, Антипов предупреждал и об опасности возможного конфликта между Россией-Евразией и Германией, если будет реализована идея Срединной Европы (*Mittleuropa*) и, тем более, если Германия распространит свое политическое и экономическое влияние еще дальше²⁸. Люкс, помимо выделенных Антиповым, отмечает и другие параллели. Оба течения по своему характеру были элитистскими и их представители ошибочно полагали, что способны использовать НСДАП или, соответственно, большевистскую партию для достижения собственных антилиберальных целей²⁹. И евразийцы, и идеологи «консервативной революции» разделяли органицистский взгляд на общество, были, как следствие, приверженцами геополитических идей и не принимали новейших веяний в социально-политической и культурной жизни³⁰.

Наиболее яркой параллелью, однако, были представления, давшие имя немецкой «консервативной революции», то есть идея достижения консервативных целей революционными средствами, оживление традиции посредством революции. В Германии Артур Мёллер ван дер Брук в 1923 г. писал: «Нам следует не продолжать революцию, а развивать революционные идеи, которые в ней содержались и которых она не осознала. Давайте объединим эти революционные идеи с консервативными (...), покуда не создадим условий, при которых снова сможем жить»³¹. Этот текст продолжается так: «Это консервативное контр-движение направлено на будущее (...) Это консервативное контр-движение стремится к восстановлению связи с прошлым, а не к его воссозданию. (...) Оно не является

---

²⁵ Woods R. *The Conservative Revolution in the Weimar Republic*. Basingstoke, 1996; Breuer S. *Anatomie der konservativen Revolution*. Darmstadt, 1993; Mohler A. *Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: Ein Handbuch*. 4th ed. Darmstadt, 1994; Weiss V. *Moderne Antimoderne: Arthur Moeller van den Bruck und der Wandel des Konservatismus*. Paderborn, 2012.

²⁶ Hecker H. *Die Tat und ihr Osteuropa-Bild 1909–1939*. Köln, 1974; Fritzsche K. *Politische Romantik und Gegenrevolution: Fluchtwege in der Krise der bürgerlichen Gesellschaft. Das Beispiel des Tat-Kreises*. Frankfurt am Main, 1976; Hübing G. *Die Tat und der Tat-Kreis: Politische Entwürfe und intellektuelle Konstellationen // Le milieu intellectuel conservateur en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1890–1960) / Ed. M. Grunewald, U. Puschner*. Bern, 2003. P. 407–426.

²⁷ Антипов А.П. Новые пути Германии // *Новая эпоха: Идеократия. Политика – экономика*. Обзоры. Нарва, 1933. С. 35–43, здесь с. 36–39.

²⁸ Там же. С. 40–42.

²⁹ Чхеидзе К.А. Евразийство и ВКП(б) // *Евразийский сборник*. Вып. 6. Прага, 1929. С. 38–40.

³⁰ Luks. *Ideologie der Eurasier*. P. 389–393; idem. «Eurasier» und «Konservative Revolution». P. 224–238.

³¹ Moeller van den Bruck [A.]. *Das dritte Reich*. 3th ed. Hamburg, 1931. P. 33. Книга Мёллера ван дер Брука упоминается в переписке евразийцев (напр., ГАРФ, ф. Р-5783 (Савицкий П.Н.), оп. 1, ед. хр. 437, л. 196).

реакцией и не желает реставрации (...)»³². В том же году Петр Сувчинский дал чеканную формулировку: «революционная реакция»³³. Трубецкой изложил эту идею следующим образом: «"Революция" (в смысле переворота в мирозерцании) отталкивается от *непосредственного* прошлого, она не может быть "реставрацией", но не только может, а зачастую и стремится быть "возрождением" глубокой древности»³⁴. Десять лет спустя София Бохан утверждала: «[Русской революцией] кончается европейский период русской истории и начинается собственно евразийский, продолжая чисто евразийские традиции»³⁵. В том же тексте она провозглашала, что евразийский синтез традиции и революции знаменует собой новую эпоху в истории человечества³⁶.

Эти высказывания отражают дух первого евразийского сборника, который рассматривал катастрофические события первой мировой войны, русской революции и гражданской войны в России как мучительное начало новой эры и сравнивал его с варварскими вторжениями поздней античности³⁷. Общим для евразийцев было чувство, что они живут в эпоху кризиса, которое преобладает и в сочинениях идеологов «консервативной революции». Во введении к сборнику *Исход к Востоку* евразийцы в 1921 г. писали: «Статьи, входящие в состав настоящего сборника, сложились в атмосфере катастрофического мироощущения. Тот отрезок времени, в котором протекает наша жизнь, начиная от возникновения войны, переживается нами, как поворотное, а не только переходное время. В совершившемся и совершающемся мы видим не только потрясение, но и кризис, и ожидаем от наступающего – глубокого изменения привычного облика мира. В катастрофичности происходящего мы видим знамение назревающего, ускоряющегося переселения и перерождения культуры. (...) мы знаем, что историческая спазма, отделяющая одну эпоху мировой истории от следующей, – уже началась»³⁸.

Идеологические параллели между евразийством и немецкой «консервативной революцией» очевидны. Робкие попытки сотрудничества, тем не менее, успеха не имели. В следующем разделе будут подчеркнуты специфические черты идеологической общности.

---

³² Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. P. 173-175.

³³ Сувчинский П.П. Инобытие русской религиозности // Евразийский временник. Вып. 3. Берлин, 1923. С. 81-106, здесь с. 105.

³⁴ Трубецкой Н.С. У дверей. Реакция? Революция? // Евразийский временник. Вып. 3. Берлин, 1923. С. 18-29, здесь с. 27. Курсив оригинала.

³⁵ Бохан С. К новой эпохе // Новая эпоха. С. 5-10, здесь с. 9.

³⁶ Там же. С. 10.

³⁷ Вступление // Исход к Востоку. С. III-VII, здесь с. IV.

³⁸ Там же. С. III и сл.

Неприятие парламентаризма и демократии

Первой областью, где проявилось идеологическое согласие между евразийцами и «консервативной революцией» в Германии, стала острая критика парламентаризма и демократии. Евразийцы были сторонниками типа правления, который называли идеократией. В 1923 г. Яков Садовский утверждал: «"прямое народо-правство" и "демократия" (...) являются для евразийцев горшим из зол, ведущим в конечном счете к разложению, распаду и общему упадку. Править может и должно только культурное, сознательное, идейное меньшинство»³⁹. Десять лет спустя Трубецкой называл либерализм и демократию «злейшими противниками идеократии»⁴⁰.

По евразийскому определению, идеократия означает абсолютную власть идеологии над всеми сторонами жизни. Ее сердцевиной является понятие «идеиправительницы», которая сплачивает «правлящий отбор». Эта группа элиты должна править государством от имени и в интересах народа, не будучи, однако, этим народом избираемой⁴¹. Согласно евразийцам, роль государства при идеократии фундаментально отличается от его роли в парламентском государстве, которое ограничивает себя рядом специфических обязательств, таких как, например, обеспечение гражданам свободы слова. Для евразийцев центральной чертой идеократии выступал «государственный максимализм», то есть «активное и руководящее участие государства в хозяйственной жизни и развитии культуры, – в чем идеократический строй принципиально отличается от демократического, связанного с государственным минимализмом»⁴².

Поэтому не удивляет, что евразийцы видели свое государство однопартийным – они представляли «новую [евразийскую – *Ш.В.*] партию, как преемницу большевиков (...). Она – партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий»⁴³.

Когда евразийцы определяли свою позицию по отношению к политическим режимам эпохи, они недвусмысленно утверждали, что большевизм и фашизм ближе к их собственным идеям, чем либерализм и парламентская демократия⁴⁴.

---

³⁹ Садовский Я.Д. Оппонентам евразийства (письмо в редакцию) // Евразийский временник. Вып. 3. Берлин, 1923. С. 149-174, здесь с. 169.

⁴⁰ Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Евразийская хроника. Вып. 11. Берлин, 1935. С. 29-37, здесь с. 36.

⁴¹ Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 3-9, здесь с. 6 и сл.; Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Евразийская хроника. Вып. 9. Париж, 1927. С. 31-39; Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932. С. 13-16.

⁴² Трубецкой. О государственном строе. С. 8.

⁴³ Евразийство. Опыт систематического изложения [1926] // Пути Евразии: русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 347-415, здесь с. 394.

⁴⁴ Там же. С. 395.

Трубецкой был убежден – республиканские государства межвоенного периода и демократический строй в целом переживают упадок⁴⁵. Для евразийцев современная им Италия и Советский Союз являлись пусть и несовершенным, но воплощением идеократии⁴⁶. В силу этого итальянский фашизм был постоянной темой книжных обзоров *Евразийской хроники*. Более того, евразийцы весьма одобряли фашистскую критику либерализма и демократии⁴⁷. Различие между фашистской «лжеидеократией» и их собственной воображаемой моделью заключалось для евразийцев в скудости главной фашистской идеи, в которой они были склонны видеть, скорее, вульгарные эмоции, связанные с культом дуче, чем подлинную идеологию⁴⁸. Это показывает, что в отличие от идеологов «консервативной революции», итальянских фашистов и большей части правых движений межвоенной Европы, евразийцы оставались чужды принципу вождизма⁴⁹. Критикуя большевизм, евразийцы подчеркивали свойственный тому материалистический подход в теории. Они ценили, однако, доминирующее значение в нем идеологии, в чем видели характерную черту реального большевистского правления. Жесткой критике подвергся большевистский атеизм, не совместимый с той выдающейся ролью, что отводилась в евразийской идеологии религии⁵⁰.

Неприятие капитализма и свободной торговли

Уже в первых своих работах евразийцы критиковали капитализм и свободную торговлю, прибегая к аргументации, глубоко укорененной в русской интеллектуальной истории. Народники, восприняв славянофильские представления о русских сельских сообществах (община, мир), идеализировали общину как докапиталистическую форму социализма и рассматривали ее как зародыш будущего коммунизма⁵¹. Что касается евразийцев, то они критически относились к капита-

---

⁴⁵ Трубецкой. О государственном строе. С. 6.

⁴⁶ Там же. С. 7.

⁴⁷ Карсавин Л.П. [Рец. на:] G. Gentile [sic]. Che cosa è il fascismo. Discorsi [sic] e polemiche, Vallecchi [sic]. Firenze // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 53-55.

⁴⁸ Трубецкой. О государственном строе. С. 7. Белецкий И. [Рец. на:] Giuseppe Prezzolini. «Le fascisme». Traduit de l'italien par Georges Bourgin. Paris 1925 // Евразийская хроника. Вып. 7. Париж, 1927. С. 54 и сл. См. также: Из письма Сувчинского. С. 258-260.

⁴⁹ Luks. «Eurasier» und «Konservative Revolution». P. 232f.

⁵⁰ Евразийство (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. 9. Париж, 1927. С. 3-14, здесь с. 4-6; Савицкий П. Задание евразийства // Евразийский сборник. Вып. 6. Прага, 1929. С. 4 и сл., здесь с. 5; Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. С. 11; Алексеев Н.Н. Духовные предпосылки евразийской культуры // Евразийская хроника. Вып. 11. Берлин, 1935. С. 13-28, здесь с. 20.

⁵¹ Walicki A. The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. Oxford, 1969; Venturi F. Roots of Revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in 19th Century Russia. Rev. ed. L., 2001.

лизму еще и потому, что видели в нем продукт европейской цивилизации⁵². Кроме этого, они в тридцатые годы увлеклись «организационной идеей»⁵³ в экономической жизни и выступили пламенными сторонниками плановой экономики⁵⁴. В свою очередь, идеологи «консервативной революции», подобно евразийцам, тоже выступали за особую роль государства в хозяйственной жизни⁵⁵.

Другой точкой соприкосновения евразийцев и идеологов «консервативной революции» была идея автаркии. Подходя к вопросу с геополитической точки зрения, евразийцы видели в Евразии единое экономическое целое⁵⁶. Факт, что промышленность Советской России развивалась стремительными темпами в то время, когда остальной мир переживал Великую депрессию, они рассматривали как доказательство экономической самодостаточности Евразии⁵⁷. В 1932 г. Савицкий заявил, что экономическая программа автаркии вытекает из самых основ евразийства: «Рано или поздно, под одним лозунгом или другим, Россия станет самодовлеющим миром. (...) На организующую идею, намечающую строительство этого мира, евразийство может претендовать, как на специфически свою (...). Именно в евразийской системе русская автаркия целиком обосновывается внутреннее (...). Она вытекает из учения о России-Евразии, как особого рода "симфонической личности", она полностью соответствует евразийскому тезису о России, как особом географическом, историческом, этнографическом, лингвистическом и т.п. мире»⁵⁸.

Евразийцы выступали за масштабное разделение труда в пределах якобы самодостаточного евразийского экономического пространства⁵⁹. Они не стремились полностью отменить частную собственность или частное предпринимательство, желая, скорее, поставить частное начало на службу плановой экономике – в рамках экономического уклада, который именовали государственно-

---

⁵² Савицкий П.Н. Два мира // На путях. М., 1922. С. 9-26, здесь с. 23-25; Евразийство и коммунизм. Б.м. С. 4 и сл.

⁵³ Логовиков П.В. [псевд. П.Н. Савицкого]. Власть организационной идеи // Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 129-134, здесь с. 134.

⁵⁴ Об экономических взглядах евразийцев см.: Böss O. Zur Wirtschaftskonzeption der «Eurasier» // Probleme des Industrialismus in Ost und West: Festschrift für Hans Raupach / Ed. W. Gumpel, D. Keese. München, 1973. P. 481-492.

⁵⁵ Breuer. Anatomie. P. 65f.

⁵⁶ Трубецкой. Общевразийский национализм. С. 30; Савицкий П.Н. Месторазвитие русской промышленности. Берлин, 1932.

⁵⁷ Савицкий П.Н. Пятилетний план и хозяйственное развитие страны [1932] // Политическая история русской эмиграции / Под ред. А.Ф. Киселева. С. 280-288, здесь с. 283.

⁵⁸ Там же. С. 285. Евразийцы развили идею «симфонической личности», сущностно важную для русского православного богословия и для религиозной философии славянофилов, и предприняли попытку разработать «персонологию» как средство, позволяющее обеспечить взаимодействие различных наук. См.: Sériot. Structure et totalité. P. 270-277; Wiederkehr. Bewegung. P. 100-109.

⁵⁹ Савицкий П.Н. Континент-океан: Россия и мировой рынок // Исход к Востоку. С. 104-125, здесь с. 117-121; он же. Материковое хозяйство // он же. Месторазвитие русской промышленности. С. 152-155, здесь с. 154.

частной системой хозяйства⁶⁰. Главная проблема подобных представлений, а именно возможное противоречие между частными интересами и планом, ими попросту отрицалась: «Государственно-частная система евразийства исходит из идеократического мировоззрения. (...) Это значит, во-первых, что евразийство указывает на неизбывную взаимозависимость целого и частей (...); во-вторых, евразийство развивает принципы сотрудничества коллектива и индивида (...). Для нас нет и не может быть противоречия между усилиями всех и каждого»⁶¹.

Неприятие «романо-германского» мира

Идея объединения Евразии шла рука об руку с идеей изоляции Евразии от того, что евразийцы называли «романо-германским» миром, подразумевая под ним Западную Европу. С одной стороны, евразийцы отвергали Европу и ее ценности, основываясь на сложной эпистемологической аргументации, оригинальной теории «культурных личностей»⁶² и концепции «миграции культуры» – предположении, что культурный центр мира перемещается из одного географического региона в другой⁶³. С другой стороны, доводы евразийцев вполне соответствовали славянофильской традиции русской мысли.

В своей работе *Европа и человечество* (1920) Трубецкой страстно развенчивал просветительскую идею прогресса как «общероманогерманский шовинизм»⁶⁴. Согласно Трубецкому, «романо-германские» шовинисты сумели ввести в заблуждение народы, не принадлежавшие к романо-германской общности, используя слова «человечество», «общечеловеческий», «мировой прогресс» и скрывая таким образом узко этнографическую природу этих понятий⁶⁵. Он утверждал, что «европейский космополитизм» психологически основан на «эгоцентризме», на том, что некто воспринимает себя «центром вселенной (...), наиболее совершенным из всех существ» и потому рассматривает как лучшее то, что в наибольшей степени похоже на него самого⁶⁶.

---

⁶⁰ Евразийство (формулировка 1927 г.). С. 9-11; Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. С. 4 и сл.; Бохан. К новой эпохе. С. 9.

⁶¹ Чхеидзе К. Идеократическое содержание хозяйства // Евразийская хроника. Вып. 11. Берлин, 1935. С. 51-56, здесь с. 54.

⁶² Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания: собрание статей. Париж, 1927. См. сноску 58.

⁶³ Савицкий П.Н. Миграция культуры // Исход к Востоку. С. 40-51.

⁶⁴ Трубецкой Н.С. Европа и человечество [1920] // он же. История. С. 55-104, здесь с. 60. См.: Riasanovsky N.V. Prince N.S. Trubetskoj's «Europe and Mankind» // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1964. Vol. 12. P. 207-220.

⁶⁵ Трубецкой. Европа и человечество. С. 64 и сл.

⁶⁶ Там же. С. 60.

Трубецкой доказывал, что подобный род эгоцентризма является сердцевиной представления об универсальном, линейном прогрессе: «"Эволюционная лестница", "ступени развития" – все это понятия глубоко эгоцентрические. В основе их лежит представление о том, что развитие человеческого рода шло и идет по пути так называемого мирового прогресса. Этот путь мыслится как известная прямая линия. Человечество шло по этой прямой линии, но отдельные народы останавливались на разных точках ее. (...) [Соответственно] культуры различных народов отличаются друг от друга именно как разные фазисы общей эволюции, как разные этапы общего пути мирового прогресса»⁶⁷. Он показывал, что подобная модель неизбежно заставляла классифицировать Россию и другие не являвшиеся романо-германскими страны как «отсталые», изображать их отличия в негативном ключе и рассматривать последние как недостатки⁶⁸. Сам он настаивал на принципе культурного релятивизма: «Вместо [эволюционной – *Ш.В.*] лестницы мы получаем горизонтальную плоскость. Вместо принципа градации народов и культур по степеням совершенства – новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара. Момент оценки должен быть раз навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих низшими – произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо»⁶⁹.

Эти доводы весьма напоминают те, что используют сегодня философы-деконструктивисты и критики евроцентризма⁷⁰, однако Трубецкой на этой точке не останавливается. Он доходит, скорее, до эссенциализма и радикального антизападничества: «Интеллигенция европеизированных народов (...) должна понять вполне ясно, твердо и бесповоротно: что (...) европеизация является *безусловным злом* для всего неромано-германского народа; что с этим злом можно, а следовательно, и надо бороться всеми силами»⁷¹. Желая заклеить Европу, Трубецкой уходит от идеи культурного релятивизма, которую развивал до этого, и заходит так далеко, что выстраивает абсолютную оппозицию. По его собственным

---

⁶⁷ Там же. С. 66.

⁶⁸ Там же. С. 95 и сл. Существует много работ, посвященных России, о преимуществах отставания и догоняющего развития. См.: Hildermeier M. Das Privileg der Rückständigkeit: Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1987. Vol. 244. P. 557-603.

⁶⁹ Трубецкой. Европа и человечество. С. 81 и сл.

⁷⁰ Moore D.C. Colonialism, Eurasianism, Orientalism: N.S. Trubetzkoy's Russian Vision // Slavic and East European Journal. 1997. Vol. 41. P. 321-326. Сами евразийцы использовали термин «европоцентризм» (Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник. Вып. 4. Берлин, 1925. С. 5-23, здесь с. 12).

⁷¹ Трубецкой. Европа и человечество. С. 102 и сл. Курсив оригинала.

словам: «Истинное противопоставление есть только одно: романогерманцы – и все другие народы мира, *Европа и Человечество*»⁷².

Мышление дихотомиями было в России XIX столетия преобладающим. В спорах с западниками славянофилы сопоставляли набор положительных, с их точки зрения, русских (православных) ценностей с отрицательными западными (латинскими). К этим оппозициям, если ограничиться наиболее важными элементами, относились: цельность / раздвоение, разумность / рассудочность, синтез / анализ, соборность / индивидуализм, справедливость / законность⁷³. Евразийцы пользовались этими широко известными дихотомиями, когда доказывали, что западные ценности и такие институты, как парламентаризм и рыночная экономика, не соответствуют природе Евразии⁷⁴. Однако, как показал Анджей Валицкий, подобная аргументация была свойственна и романтической критике Просвещения, причем по всей Европе⁷⁵. Вот почему Люкс приходит к выводу, что евразийство, несмотря на его антиевропейскую направленность, представляет собою часть европейской интеллектуальной истории между двумя мировыми войнами⁷⁶.

Заключение

Русское евразийство является частью европейской интеллектуальной истории. Евразийцы межвоенного периода имели много общих идей с европейской антипросветительской философией и правыми идеологиями в целом – и с приверженцами немецкой «консервативной революции» в частности. Общими для этих мыслителей были антилиберализм и враждебное отношение к парламентской демократии. Они стояли на антикапиталистических позициях, симпатизируя идеям плановой экономики и автаркии. Более того, они противопоставляли идею общности идее индивидуализма, придавали особое значение понятию органического целого и предостерегали против атомизации общества. И, наконец, что особенно важно, евразийцы соглашались с положением, давшим имя немецкой «консервативной революции»: революция оживит старые традиции и свяжет светлое будущее с далеким прошлым, в котором традиционный строй и уклад не был еще разрушен.

---

⁷² Там же. С. 104. Курсив оригинала.

⁷³ В самом сжатом виде: Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России: письмо к гр. Е.Е. Комаровскому [1852] // Полное собрание сочинений И.В. Киреевского в двух томах. М., 1911. Т. 1. С. 174-222, здесь с. 217 и сл.

⁷⁴ Флоровский Г.В. Хитрость разума // Исход к Востоку. С. 28-39; Савицкий. Два мира.

⁷⁵ Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford, 1979. P. 93-111.

⁷⁶ Luks. Ideologie der Eurasier. P. 393.

Однако евразийство вряд ли впишется в рамки «Европы как проекта крайне правых», поскольку евразийцы не боролись за консервативную революцию в Европе. Они не надеялись объединить Европу на нелиберальной основе, они не пытались установить в ней правые режимы. Они стремились к победе над «европейскими» ценностями и институтами в Евразии, под которой подразумевали отдельный континент между Европой и Азией. Отвергая «Европу» и даже противопоставляя ее человечеству, евразийцы пользовались доводами, сходными с аргументацией романтиков, критиковавших Просвещение.

В конце XX и начале XXI века данный подход оказался в качестве идеологического фундамента более важным, чем географическое представление о Евразии, предложенное евразийцами между мировыми войнами: русские неоевразийские круги вокруг Александра Дугина оживили евразийство как идеологическую антитезу тому, что они называют «атлантизмом»⁷⁷. Они усвоили биполярное мировоззрение времен холодной войны и перенесли образ врага с европейских «романо-германских» народов, соперников России в XIX столетии, на главного противника СССР после 1945 г. – Соединенные Штаты Америки. При этом, если личные связи между евразийцами, идеологами немецкой «консервативной революции» и другими правыми движениями межвоенной Европы были крайне слабыми, Дугин и его коллеги-неоевразийцы являются интегральной частью европейского неоконсервативного и традиционалистского сообщества.

Перевод с английского Виталия Ковалева

---

⁷⁷ Дугин А. Консервативная революция. М., 1994; он же. Основы геополитики: геополитическое будущее России. М., 1997; Основы евразийства. М., 2002; <http://dugin.ru>. Последнее посещение 29 мая 2017; <http://evrazia.info>. Последнее посещение 29 мая 2017; <http://evrazia.org>. Последнее посещение 29 мая 2017. О Дугине и его движении см.: Höllwerth A. Das sakrale eurasische Imperium des Aleksandr Dugin: Eine Diskursanalyse zum postsowjetischen russischen Rechtsextremismus. Stuttgart, 2007; Clowes E.W. Russia on the Edge. Imagined Geographies and Post-Soviet Identity. Ithaca, 2011. P. 43-67; The Nature of Russian «Neo-Eurasianism»: Approaches to Aleksandr Dugin's Post-Soviet Movement of Radical Anti-Americanism / Ed. A. Umland. Armonk, 2009; Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia / Ed. M. Laruelle. L., 2009.